

И вот в этих условиях, когда поджигатели войны все больше поднимают голову, когда они не только искусственно создают и разжигают военный психоз, но и предпринимают такие практические шаги, которые не могут не вызывать беспокойство у народов, требуют от тех, кто стоит на почве соблюдения Устава Организации Объединенных Наций и решений этой последней, чтобы они приняли предложение о созыве специальной конференции для упразднения принципа единогласия пяти постоянных членов Совета Безопасности при решении вопросов мира и безопасности или, по крайней мере, ликвидировали главу VI.

Видимо, кому-то становятся тесны рамки Организации Объединенных Наций и мешает принятый в Сан-Франциско Устав, он хотел бы отнять у меньшинства то средство самозащиты, которое обеспечивает меньшинству Устав. Но как бы ни старались агенты империализма шумом о так называемом вето отвлечь внимание от коренных вопросов, поставленных делегацией СССР, им это не удастся, ибо все честные люди видят, что выступления против принципа единогласия есть составная часть военной пропаганды, дымовая завеса, прикрывающая подготовку к войне и беззакония, чинимые на глазах Организации Объединенных Наций.

Если сейчас, когда существует статья 27 Устава, мы наблюдаем все возрастающую подрывную работу поджигателей войны и нарушителей Устава ООН, то что будет завтра, когда этот барьер в виде статьи 27 будет снят и стихия самочинства невообразимо забушует вокруг Организации Объединенных Наций? Хотят ли этого подлинные инициаторы предложения о ревидии статьи 27 или не хотят, предвидят ли они или не предвидят, но это будет началом конца Организации Объединенных Наций.

Может быть, это отвечает планам поджигателей новой войны, но это не отвечает намерениям сторонников мира и безопасности между народами. И именно потому, что друзья мира верят в разум и силы народов, они хотят верить и в то, что Организация Объединенных Наций найдет в себе силы, чтобы преодолеть трудности, которые сторонники агрессивных планов стараются поставить на ее пути.

Что нужно для того, чтобы преодолеть эти трудности?

Для этого нужно, во-первых, принять предложение делегации СССР от 18 сентября, которое поддерживается целиком и полностью и делегацией Украинской ССР, об ускорении выполнения рекомендации Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1946 года о сокращении вооружений и исключении атомного оружия из арсенала всех государств — членов Организации Объединенных Наций; принять указанные в советском предложении срочные меры к обузданию поджигателей войны.

Во-вторых, необходимо строгое и неукоснительное соблюдение всеми членами Организации, без исключения, Устава Организации Объединенных Наций.

В-третьих, необходимо, чтобы то сотрудничество пяти великих держав, которое обеспечило Объединенным Нациям победу в самой большой в истории человечества войне, лежало в основе совместных действий в деле охраны мира и безопасности и после войны. Этот вопрос зависит от вас, господа.

В-четвертых, необходимо с уважением относиться к суверенитету, независимости и национальному достоинству народов и стран, как бы малы они ни были. Идея равноправия и самоопределения народов, исключая всякие претензии на доминирующее положение одних держав над другими, должна стать законом международного бытия в отношениях государств между собой.

В связи с этим разрешите вам напомнить мудрые слова великого генералиссимуса И. В. Сталина, сказанные им 23 марта 1946 года об Организации Объединенных Наций:

«Сила этой международной Организации состоит в том, что она базируется на принципе равноправия государств, а не на принципе господства одних над другими. Если Организации Объединенных Наций удастся сохранить и впредь принцип равноправия, то она безусловно сыграет большую положительную роль в деле обеспечения всеобщего мира и безопасности».

Все сторонники мира и сотрудничества между народами никогда не забудут этих слов; не щадя усилий, они будут работать в пользу мира, бороться за мир против темных сил зла, пагубных сил реакции и агрессии.

Во время выступления г-на Мануильского г-н Аранья вновь занимает председательское место.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Следующее заседание Генеральной Ассамблеи состоится завтра в 11 часов.

Заседание закрывается в 17 час. 55 мин.

ДЕВЯНОСТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Вторник, 23 сентября 1947 года, 11 час.
Флошинг Медоу, Нью-Йорк*

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

17. Продолжение общих прений

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Слово предоставляется представителю Эквадора.

Г-н ПОНСЕ (Эквадор) (говорит по-испански): Глава VIII Устава Организации Объединенных

Наций, озаглавленная «Региональные соглашения», была написана в Сан-Франциско с ясным пониманием действительности. В ней предусматривается, что Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов, способствующих поддержанию мира и безопасности, соответственно целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Региональные соглашения приобретают сейчас несравненно большее значение в результате международного кризиса, угрожающего системе коллективной безопасности и явившегося результатом разногласий между постоянными членами Совета Безопасности и последующего произвольного применения права вето.

Новый межамериканский Договор о взаимной помощи, подписанный 2 сентября в Рио-де-Жанейро на Конференции по поддержанию континентального мира и безопасности, подтверждает гармонию, существующую между межамериканской системой и целями и принципами Организации Объединенных Наций, и подкрепляет положения Устава по вопросам, касающимся поддержания международного мира и безопасности, которые могут быть разрешены путем региональных действий.

Я хотел бы на несколько минут задержать внимание Ассамблеи на вопросе, который Эквадор считает чрезвычайно важным для будущего мира и безопасности Америки, вопросе, относящемся к межамериканскому региональному соглашению в той степени, в какой он касается возможных последствий, вытекающих из применения права вето одним или несколькими членами Совета Безопасности.

Договор в Рио-де-Жанейро в конечном счете закрепляет положение, содержащееся в бессмертной Чапультепекской декларации. Согласно этому положению, в Америке нападение на одно государство равносильно нападению на всех, поэтому все государства имеют право на законную самооборону, признаваемую статьей 51 Устава Объединенных Наций. В силу этой статьи Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации Объединенных Наций, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности.

Договор в Рио-де-Жанейро также предусматривает, что меры законной самообороны могут осуществляться до тех пор, пока Совет Безопасности Организации Объединенных Наций в свою очередь не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Иными словами, если Совет бездействует, законная коллективная самооборона, рассматриваемая как обязательство в рамках межамериканской системы, будет продолжать применяться; если вето парализует действия Совета, когда он будет призван поддержать одно из американ-

ских государств, ставшее жертвой агрессии, коллективные действия, начатые в целях законной самообороны, должны продолжаться.

То, что я только что сказал, относится исключительно к ситуации, создаваемой актом вооруженной агрессии. Другой аспект, подлежащий рассмотрению, касается невооруженной агрессии или угрозы агрессии. В этом случае должен быть немедленно созван совещательный орган, чтобы согласовать меры, которые следует принять, чтобы отразить агрессию, если она будет иметь место, или, во всяком случае, меры совместной защиты и поддержания мира и безопасности на континенте. Кроме того, эти меры, равно как и другие, принятые или намечаемые в случае вооруженной агрессии, должны быть доведены до сведения Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Именно здесь и появляется возможность применения вето, препятствующего региональным действиям и подрывающего эффективность и значение оборонительных и миролюбивых целей межамериканской системы. Вето одной страны в Совете Безопасности может парализовать всю систему мероприятий, предусматриваемых межамериканским планом сохранения мира, когда он находится под угрозой.

Это еще одна причина, по которой любая страна, входящая в межамериканскую систему, считает необходимым возражать против суверенного и неограниченного права вето, которым наделены постоянные члены Совета Безопасности. Американские республики желают мира и безопасности, которые им позволят сотрудничать в самых широких масштабах в целях общего блага. Они изыскивают мирные средства урегулирования своих разногласий, ибо уверены, что время военных конфликтов между братскими государствами Америки ушло в прошлое. Таковы идеалы, к которым стремятся американские нации, и вполне естественно, что мы опасаемся того, что насильственные действия извне могут помешать их осуществлению. Это вторая причина, почему необходимо в свое время осуществить реформу неограниченного и произвольного права вето.

Не стремясь сразу достигнуть высшего идеала, которым явилась бы организация, всецело руководствующаяся принципами справедливости и равенства на благо как самой организации, так и всех, следует попытаться согласовать некоторые объективные нормы, чтобы улучшить, насколько возможно, структуру международных отношений.

По этой причине делегация Эквадора поддерживает предложения, имеющие целью сужение сферы применения вето. Мы считаем настоятельно необходимым, чтобы вето не применялось в пределах главы VI Устава, касающейся мирного урегулирования споров, а требование единогласия постоянных членов Совета было бы устранено из процедуры по приему новых членов, как

это предлагают делегации Соединенных Штатов Америки и Австралии.

С этой трибуны не раз уже говорилось о том, что современная международная дезорганизация не может быть приписана чрезмерному пользованию привилегией вето, но что этот недостаток скорее является симптомом гораздо более глубокой и серьезной дезорганизации в мире, разделенном на непримиримо враждебные лагеря.

Устав, принятый в Сан-Франциско, воплощает те высокие принципы международной морали, без которых, я повторяю, невозможно достигнуть таких целей, как мир, безопасность, братство и прогресс, к которым все мы стремимся и для достижения которых создана наша международная организация.

Главный принцип, основное начало действенной и процветающей организации наций ясно и определенно изложен в Уставе, где говорится, что члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по Уставу обязательства, чтобы обеспечить всем права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу членов Организации. Иными словами, государства-члены обязаны по Уставу уважать данные ими обещания, значение которых определяется минимумом доверия, необходимого во всяких общественных взаимоотношениях. Если не все государства — члены Организации Объединенных Наций, и особенно постоянные члены Совета Безопасности, выполняют этот свой основной долг верности и уважения в отношении обещаний и обязательств, которые они приняли на себя, когда подписывали Устав, и которые не допускают злоупотребления правом вето и проявления крайнего национализма, наносящего ущерб всяким усилиям, направленным на общее благо, то не будет ни эффективной международной организации, ни мира, ни безопасности, ни справедливости. Зло не столько в механизме, сколько в качестве людей, призванных его использовать, от которых зависит судьба будущего мира. Зло заложено в том, что отдается предпочтение силе перед правом и узко эгоистическим интересам перед интересами других.

Однако известный пересмотр путей и средств может кое-что сделать для обуздания чрезмерного своеволия некоторых государств. Совет Безопасности, к сожалению, не добился успеха в завоевании авторитета и того высокого положения, которое он должен был бы занимать во всемирной организации и которое он когда-нибудь все же займет. С другой стороны, Генеральная Ассамблея изо дня в день укрепляет свою репутацию и престиж и является центром руководства и деятельности Организации Объединенных Наций, органом, выражающим общее мнение и совесть мира. Необходимо, и мир требует этого, чтобы руководящее влияние Ассамблеи чувствовалось с наибольшей силой и в са-

мом Совете Безопасности. Этой исключительно важной функции способствовало бы предложение государственного секретаря Маршалла учредить межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности, состоящий из представителей всех государств — членов Организации Объединенных Наций, для работы в период между второй и третьей сессиями Генеральной Ассамблеи. Министерством иностранных дел следует внимательно изучить это важное предложение Соединенных Штатов.

Два года жизни нашей Организации являются отражением трудностей в мире, в котором мы живем после Сан-Францисской конференции. Однако в глубоких низах раздается призыв к безопасности и миру, и этот призыв вселяет в нас новую веру.

Наряду с политической работой Организация Объединенных Наций занимается также экономической и социальной деятельностью. Устав возлагает на нас обязанность охранять основные права человека, достоинство и ценность человеческой личности, содействовать достижению равноправия мужчин и женщин, способствовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни наших народов.

Доклады Генерального Секретаря и Экономического и Социального Совета говорят нам о плодотворной работе, которая была развернута в этой области. Мое правительство с глубоким интересом следит за ней, и мы питаем большую надежду на ее успех, поскольку равновесие международной экономики и растущий экономический и моральный уровень жизни людей составляют надежную основу мира. Правительство Эквадора надеется на срочное учреждение Экономической комиссии для Латинской Америки, которое предложила с таким пониманием и проинициативностью делегация Чили на последней сессии Экономического и Социального Совета.

В заключение я хочу выразить надежду, что эта вторая сессия Ассамблеи Организации Объединенных Наций даст человечеству минимум безопасности, которой оно требует и в которой нуждается, и внесет некоторое успокоение в умы людей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): В ходе общих прений, которые теперь заканчиваются, многие представители ссылались на *Годовой доклад Генерального Секретаря о работе Организации*¹. Поэтому я считаю, что было бы уместно для Генерального Секретаря сделать в настоящий момент устное заявление Генеральной Ассамблее. В соответствии с этим я приглашаю его выступить.

18. Заявление Генерального Секретаря

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ (*говорит по-английски*): Я был весьма счастлив, когда Председатель спросил меня вчера после полудня, не

¹ См. *Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи*, Дополнение № 1.

имею ли я что-либо сказать перед закрытием общих прений. Тот факт, что я не выступал на этой сессии до сих пор, не означает, что мне нечего сказать.

Прежде всего я хотел бы поблагодарить членов Генеральной Ассамблеи за дружеские слова, высказанные несколькими ораторами в отношении меня и моих коллег.

Я принимаю к сведению все замечания и предложения, которые были выдвинуты относительно Секретариата, и буду помнить о каждом критическом высказывании, поскольку я намерен постоянно стремиться к улучшению административного аппарата и обеспечению более эффективного обслуживания.

Я сознаю, что не выполнил бы своего долга, если бы в данном случае не высказал некоторых объяснений тех трудностей, с которыми сталкивается Секретариат и отдельные его члены.

Не следует забывать, что административный аппарат Организации Объединенных Наций был переведен из Лондона в Соединенные Штаты в марте и апреле 1946 года и что мы вели бродячее существование, переезжая из Хантер Колледжа и отеля Генри Хадсон в Лейк Соксесс.

Нам надо было полностью подготовить технический аппарат для Совета Безопасности к концу марта прошлого года; от нас требовалось разместить Экономический и Социальный Совет в мае и завершить подготовку к сессии Генеральной Ассамблеи в сентябре.

В то же время в Лондоне Подготовительной комиссией и группой экспертов Ассамблеи был разработан довольно жесткий административный план. Нам оставалось только лояльно и старательно следовать установленной процедуре, хотя временами она казалась излишне громоздкой.

За несколько месяцев нужно было нанять и включить в работу сотни сотрудников, приехавших со всех концов земли, и разместить персонал в гостиницах, пансионатах и в частных семьях.

Лейк Соксесс и Флоринг Медоу были подготовлены к открытию Генеральной Ассамблеи осенью прошлого года. Когда Ассамблея закончила свою работу в середине декабря, перед нами встали новые задачи, которые, конечно, были выдвинуты не мной и не Помощниками Генерального Секретаря, но были возложены на Секретариат различными органами Организации Объединенных Наций. Сложность этих задач можно до некоторой степени характеризовать тем фактом, что в течение года Секретариат обслужил почти две тысячи заседаний.

Тот факт, что значительная часть работы проводилась в переоборудованном фабричном здании в Лейк Соксессе, отнюдь не способствовал

ее облегчению. Я уверен, что делегаты, видевшие, какие там условия работы, не нуждаются в пояснении материальных трудностей, с которыми мы там столкнулись.

Наиболее важной административной задачей настоящей Генеральной Ассамблеи является принятие решения о строительстве нового здания для Центральных учреждений Организации Объединенных Наций. Организацию Объединенных Наций нужно безотлагательно обеспечить постоянной резиденцией. Я надеюсь, что настоящий переходный период, в течение которого успешная работа весьма затруднена, будет как можно более кратким.

В связи с этим я хочу выразить благодарность и одобрение персоналу Секретариата, который более восемнадцати месяцев преодолевал всевозможные личные и технические трудности в своей работе.

Я понимаю, что даже существующая программа международной деятельности Организации Объединенных Наций возлагает бремя на те государства-члены, которые сталкиваются с серьезными валютными трудностями.

Я убежден, что работа, возложенная на Организацию, будет выполнена наиболее экономично и эффективно. Что касается объема и характера этой работы, услуг, которые должны быть оказаны, и текущих планов, которые должны быть выполнены, то контроль остается здесь в первую очередь за представительными органами Организации Объединенных Наций. Я считаю, что хорошо было бы, если бы Генеральная Ассамблея рассмотрела существующее положение с учетом этого факта.

Позвольте мне сделать несколько замечаний политического характера, прежде всего по вопросу о приеме новых членов.

С самого начала деятельности нашей Организации всеми признавалась необходимость применения принципа универсальности при решении этого вопроса. Я не вижу никакой причины в настоящее время отступать от идеи, что все свободолюбивые нации, которые принимают обязательства, содержащиеся в Уставе, и могут и желают выполнять эти обязательства, должны быть приняты в Организацию Объединенных Наций.

Поэтому я выражаю надежду, что в ближайшее время будет принято решение — если возможно, то на текущей сессии Генеральной Ассамблеи — принять в нашу Организацию те страны, которые в настоящее время ожидают принятия.

Как в 1946, так и в 1947 году я рекомендовал Совету Безопасности принять в члены Организации все государства, подавшие заявления о приеме. Сейчас я также считаю, что нам будет полезнее принять эти государства в Организацию, тем самым возложив на них обязательства

и ответственность, вытекающие из их членства, чем оставлять за ее пределами так много наций.

Перехожу к более общему вопросу о политическом положении в мире, которое нашло такое яркое выражение в политических заявлениях, прослушанных нами при открытии общих прений на данной Ассамблее. В своем годовом докладе о работе Организации я заострил внимание на этом положении, так как оно касается Организации Объединенных Наций.

Для всех нас совершенно ясно, что такая ситуация подвергает Организацию Объединенных Наций серьезному испытанию. Краеугольный камень Организации Объединенных Наций — сотрудничество и взаимопонимание великих держав — рушится в результате открытых разногласий между этими державами. Народы мира, равно как и многие правительства, потрясены, испуганы, обескуражены, видя, как те самые нации, которые создали Организацию Объединенных Наций, столь явно не могут прийти к соглашению.

Я хочу высказать свое твердое убеждение, что эта ситуация, как бы велики ни были политические расхождения, не создает угрозы существованию Организации Объединенных Наций. Однако она затрудняет деятельность Организации Объединенных Наций и препятствует ей выполнять обязанности, возложенные на нее Уставом. Она не может не мешать Организации Объединенных Наций в развитии мирных отношений, экономического сотрудничества и в установлении социальной справедливости.

Я не буду касаться конкретных политических вопросов, которые рассматривались на первой сессии Генеральной Ассамблеи и в Совете Безопасности. Все мы знаем, что многие из них не урегулированы и что по многим важным вопросам — например, по вопросу о контроле над атомной энергией — две стороны определенно не поладили, хотя обе они одинаково заинтересованы в обеспечении эффективного контроля.

Эти конфликты и расхождения не являются следствием правила единогласия великих держав. Спор о вето — скорее симптом, чем причина. И Совет Безопасности, где применяется правило единогласия, и Генеральная Ассамблея, где нет такого правила, — оба серьезно страдают в своей работе от этих конфликтов и разногласий.

Прискорбно, что Организация Объединенных Наций до сих пор была способна лишь в ограниченной степени выполнять свои важные обязательства в экономической и социальной областях. Экономическая неустойчивость и дезорганизация широко распространены в большинстве стран мира. Миллионам людей угрожает голод, и в подавляющей части мира обычными являются хроническое недоедание, недостаток образования и нехватка средств для нужд здравоохранения.

Некоторые нации сделали крупный вклад в дело облегчения нужды и укрепления экономической стабильности в различных районах мира. Всем ясно, однако, что в конечном счете мир становится все более единым в экономическом отношении и что эти потребности могут быть полностью удовлетворены только при широком международном сотрудничестве.

В соответствии с Уставом Организация Объединенных Наций действовала исходя из этого факта и создала аппарат, предназначенный для содействия мировому экономическому сотрудничеству.

Практическая работа осложняется тем, что в мире существуют различные экономические и социальные системы. Все же война доказала, что государства с различными системами и идеологиями вполне могут решать во взаимном сотрудничестве сложные и даже непреодолимые проблемы.

Сегодня перед нами стоят многие проблемы, представляющие огромные трудности. Разве над миллионами людей в одной Европе не нависла угроза голода? Разве опромнейшая часть Азии не страдает от крайне низкого уровня жизни, голода, эпидемий? Разве огромные массы населения в Центральной и Южной Америке не ожидают того дня, когда они также смогут жить лучше? Ужасающая нищета, в которой живут многие народы Ближнего Востока и Африки, всем нам хорошо известна.

Было бы опасным для человечества, если бы политические разногласия и политическая подозрительность лишили Организацию Объединенных Наций возможности выполнять свою великую гуманистическую работу. А такая опасность сегодня существует.

Мы постоянно должны работать над смягчением этих разногласий и устранением подозрительности. Нельзя позволить им разделить мир на блоки и образовать сплоченные группы наций, противостоящих друг другу внутри самой Организации Объединенных Наций.

Никто не должен забывать, что инициатива основания Организации Объединенных Наций была проявлена великими державами, действовавшими совместно. Руководители Советского Союза, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов заявили в Ялте:

«Наше совещание... вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является священным обязательством наших правительств перед своими народами, а также перед народами мира.

Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими

тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической хартии, — обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации, — сказано в заключении, — представляет самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира.

(Подписи): Уинстон С. Черчилль, Франклин Д. Рузвельт, И. В. Сталин».

Предпосылкой для создания Организации Объединенных Наций было чувство братства и товарищества, возникшее между великими державами во время войны. На Конференции в Сан-Франциско это чувство было настолько сильно, что оказалось возможным преодолеть серьезные разногласия путем справедливого компромисса.

Многие из тех, кто слышал дискуссии того времени, скажут, что мы уже далеко отошли от духа Сан-Франциско. Если осуществлявшееся в то время сотрудничество между державами сделало возможным учреждение Организации Объединенных Наций, то возникший между ними разлад создает для нас сегодня величайшие трудности.

Можно установить стратегические, экономические и идеологические разногласия, которые объясняют этот разлад, но невозможно и невыносимо думать, что эти разногласия когда-нибудь смогут привести к войне. Я не верю, что существует в мире какой-нибудь народ или правительство, которые не желали бы предотвратить новую войну. Величайшая трудность заключается в том, что великие державы не доверяют друг другу или намерениям друг друга. Именно страх является огромной опасностью. Страх порождает ненависть, а ненависть порождает угрозу.

Мы не можем изменить тот факт, что в мире существуют не только разные нации, но и различные типы цивилизаций, различные идеи и различные интересы. Но необходимое условие для мира состоит в том, чтобы нации с различными социальными системами и различными интересами старались жить и работать совместно, бок о бок, мирно.

Это должно находить выражение в политических переговорах, которые доказывают готовность к компромиссам. Без этого желания, без сотрудничества и согласия, разрешите подчеркнуть это, никакой механизм для поддержания международного мира и безопасности, как бы он ни был совершенен, не будет эффективен.

Я могу лишь выразить надежду, что народы найдут путь возвращения к духу преамбулы принятого в Сан-Франциско Устава: «Проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи».

19. Обсуждение предварительной повестки дня: доклад Генерального комитета (документ А/392)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Следует заметить, что доклад Генерального комитета делится на три части. Я предлагаю рассматривать доклад по частям и начать рассмотрение с первой части.

Генеральный комитет рекомендует создание специального комитета (*ad hoc*) по палестинскому вопросу и специального комитета по месторасположению.

Создание специальных (*ad hoc*) комитетов

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Слово предоставляется представителю Ирака.

Г-н ДЖАМАЛИ (Ирак) (говорит по-английски): Я не хочу подвергать сомнению высокие побуждения тех, кто предлагает учредить специальный комитет по палестинскому вопросу. Все мы желаем Организации Объединенных Наций успеха в достижении справедливого и окончательного решения для Палестины. Чтобы достигнуть справедливого и окончательного решения, мы должны придерживаться принципов Устава и следовать нормальной процедуре, принятой Организацией Объединенных Наций.

Организация Объединенных Наций имеет специальный механизм для рассмотрения политических вопросов, а именно Первый комитет — Комитет по политическим вопросам и вопросам безопасности. Почему проблему Палестины нужно передавать в специальный комитет? Разве этот вопрос не так важен, как другие политические проблемы большого значения?

Делегация Ирака на специальной сессии предлагала, чтобы вопрос о Палестине рассматривался Организацией Объединенных Наций согласно принципам Устава и в соответствии с нормальной процедурой. Всякое отклонение от обычных методов может вызвать опасение и подорвать доверие, которое необходимо укреплять, особенно со стороны наиболее заинтересованной группы — со стороны арабов.

Хотя вопрос о Палестине прост и ясен, он может иметь настолько серьезные последствия для мира и стабильности на Среднем Востоке, а следовательно, для мира во всем мире, что заслуживает изучения людьми, занимающими высокое положение, а такие люди находятся в Первом комитете. Могут сказать, что те же люди, которые участвуют в Первом комитете, будут участвовать и в специальном комитете, но тогда зачем создавать другой комитет?

В сущности, мы уже знаем, что многие деле-

гации не могут позволить себе выделить других людей для специального комитета по палестинскому вопросу. Следовательно, необходимо будет предусмотреть, чтобы эти два комитета не собирались одновременно. Какая же польза создавать специальный комитет, который был бы не менее авторитетен и который в большей части имел бы тот же состав? Первый комитет уже занимался проблемой Палестины на специальной сессии, и было бы только естественно, чтобы он продолжил рассмотрение этой проблемы. Если необходимость в создании специальных комитетов возникает ввиду большой загруженности работой, пусть они создаются по другим вопросам, но не по вопросу о Палестине.

Такова точка зрения моей делегации, и, излагая ее, я не имею иной цели, кроме успеха Организации Объединенных Наций в ее усилиях по достижению справедливого и надежного решения вопроса о Палестине.

Г-н МАЛИК (Ливан) (*говорит по-английски*): Нас просят решить, передавать ли вопрос о Палестине в специальный (*ad hoc*) комитет Генеральной Ассамблеи или он должен быть направлен в обычный комитет, который согласно обычной процедуре должен был бы рассмотреть его, а именно в Первый комитет Генеральной Ассамблеи.

Мне кажется, что мы должны отнестись к этому вопросу с предельной добросовестностью и принять на себя всю ответственность за наше решение, каким бы оно ни было.

Я полагаю, что было бы гораздо лучше, учитывая все, передать этот вопрос в Первый комитет для рассмотрения его всем Комитетом в целом вместе с другими вопросами, включенными в его повестку дня, чем создавать для него специальный комитет. Во-первых, я считаю, что вырывать эту проблему из контекста других больших проблем, занимающих наше внимание сегодня, и передавать ее отдельно для изучения в специальный комитет, значит рассматривать ее абстрактно и в ложном свете.

Она должна рассматриваться в связи с другими вопросами сегодняшнего дня. Она так же важна, как и другие вопросы. Конечно, сегодня не один этот вопрос привлекает внимание мира. Поэтому он должен разбираться тем же органом, который рассматривает другие, столь же важные вопросы текущего момента.

Палестинский вопрос должен рассматриваться в той же политической атмосфере, в какой рассматриваются другие вопросы, в той же международной обстановке, в какой по столь же важным вопросам происходят дискуссии и обсуждения, ведется борьба. Мы постоянно чувствуем, что в отношении Палестины применяются особые нормы, которые не используются в других случаях. Учреждение специального органа для рассмотрения этого вопроса отдельно от органов, которые будут изучать другие вопросы, укрепит нас в этом мнении.

Я думаю, что если мы сохраним это мнение, вся проблема не продвинется вперед, ибо нет нужды слишком часто подчеркивать, как это сделал на днях с таким красноречием глава французской делегации, что для прочного решения этого вопроса требуется согласие арабов.

Поэтому, если с самого начала у нас создается мнение, что к этому вопросу подходят с особой специальной меркой, то это, разумеется, не создает конструктивной положительной атмосферы, которая поможет нам всем вынести прочное решение, на которое мы надеемся.

Во-вторых, нет нужды слишком часто подчеркивать, что, когда мы обращаемся к Ассамблее относительно этой проблемы, мы хотим, чтобы наши голоса слышали главы всех делегаций. Если вы создаете специальный орган для изучения палестинской проблемы, это почти наверняка значит, что в нем будут участвовать специалисты и заместители представителей. Мы всячески уважаем всех заместителей представителей и, разумеется, всех специалистов. Однако то, что мы хотим сказать, должно быть услышано, обдуманно и решено политически ответственными главами всех делегаций. Не к мнению специалистов, а в первую очередь к мнению политически ответственных лиц мы хотим обратиться по палестинской проблеме.

Наконец, я хочу высказать совершенно откровенно другое соображение, которое беспокоит нас. Если вы учредите специальный комитет для рассмотрения этой проблемы, то, как нам кажется, определенным группам будет значительно легче оказывать максимальное давление на такой специальный комитет, чем в том случае, если этот вопрос рассматривался бы в Политическом комитете, который в то же время занимался бы всеми другими важными вопросами. Я вовсе не хочу сказать, что специальный комитет в какой-то мере поддастся давлению этих групп. Я говорю, что такое давление было бы гораздо легче осуществлять в случае создания специального комитета для указанной цели, чем при передаче вопроса в Политический комитет, который должен заниматься всеми важными злободневными вопросами.

Я заявляю Ассамблее, что в интересах изучения этой проблемы в возможно более благоприятной атмосфере и с возможно большим стремлением достигнуть конструктивного решения было бы значительно лучше передать эту проблему в Политический комитет и изучить ее в этом Комитете вместе с другими важными проблемами, чем передавать ее в специальный (*ad hoc*) комитет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Так как никто из членов не желает выступать, перейдем к голосованию.

Пункты 1 и 2 части 1 документа A/392 принимаются 29 голосами против 11 при 6 воздержавшихся.

Повестка дня второй сессии

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Часть II доклада состоит из повестки дня второй сессии Генеральной Ассамблеи. Дается перечень вопросов предложенной повестки дня и в конце перечня, как могут видеть делегаты, указано, что крайним сроком, рекомендованным Генеральным комитетом для внесения предложений о включении новых вопросов в повестку дня, является полночь в понедельник 29 сентября 1947 года.

Есть какие-либо возражения против принятия повестки дня?

Г-н ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Делегация Соединенных Штатов Америки предложила включить в повестку дня вопрос о Корее, имея в виду внести на эту сессию Генеральной Ассамблеи, как выразился г-н Маршалл, глава делегации США, проблему о независимости Кореи. Свое предложение г-н Маршалл мотивировал тем, что работа Совместной советско-американской комиссии по Корее не дала до сих пор результатов и что в силу этого необходимо включить в повестку дня Генеральной Ассамблеи вопрос о предоставлении Корее независимости. При этом г-н Маршалл положение дел в Совместной советско-американской комиссии по Корее тенденциозно изобразил таким образом, что ответственность за отсутствие должного результата в этой работе была возложена на советскую делегацию.

Насколько тенденциозно и неправильно было дано освещение работы комиссии г-ном Маршаллом, видно из многочисленных фактов, на которых я, разумеется, не могу останавливаться сейчас, ибо не хочу рисковать и снова открывать дискуссию по существу вопроса. Достаточно будет сказать для объяснения мотивов предложения, которое я собираюсь внести на Генеральной Ассамблее, что еще 26 августа советская делегация в Совместной комиссии внесла ряд конструктивных предложений, которые, однако, не были приняты американской делегацией. Спустя некоторое время, а именно 17 сентября, советская делегация внесла новое предложение, заключающееся в том, чтобы приступить к реализации тех положений из предложений американской делегации и тех предложений советской делегации, по которым точки зрения обеих делегаций сближаются. Однако это предложение также не было принято. Из сказанного видно, что ответственность за положение, создавшееся в Совместной советско-американской комиссии, должна целиком лежать на американской стороне, которая отказывается выполнить принятые на себя обязательства в силу декабрьского соглашения, принятого в Москве тремя министрами иностранных дел.

Я должен напомнить, что декабрьское соглашение 1945 года предусматривало определенный порядок урегулирования корейского вопроса. Только неделю тому назад советская делегация

внесла, как было указано выше, свои новые предложения, на основе которых возможно такое урегулирование, но делегация Соединенных Штатов продолжает упорно отказываться от соглашения на этой основе. При таком положении дела советская делегация не видит никакой необходимости в рассмотрении Генеральной Ассамблеей поставленного американской делегацией вопроса и предлагает этот вопрос не включать в повестку дня сессии Генеральной Ассамблеи.

К сказанному следует добавить также и некоторые юридические соображения. Статьи 10 и 11 Устава Организации Объединенных Наций уполномочивают Генеральную Ассамблею обсуждать любые вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности в соответствии с пунктом 2 статьи 35 Устава Организации Объединенных Наций. В этом случае Генеральная Ассамблея уполномочена делать в отношении любых таких вопросов рекомендации заинтересованному государству или государствам, или Совету Безопасности, или Совету и заинтересованному государству или государствам; кроме того, Генеральная Ассамблея может обращать внимание Совета Безопасности на ситуации, которые могли бы угрожать международному миру и безопасности. Остальные статьи Устава, говорящие о компетенции Генеральной Ассамблеи, уточняют указанные выше полномочия, не оставляя сомнений в том, что такие вопросы, как вопросы, внесенные г-ном Маршаллом, о Корее, тем более при наличии международного соглашения, как это имеет место в настоящем случае, не могут служить предметом рассмотрения Генеральной Ассамблеей.

Ввиду изложенных обстоятельств советская делегация настаивает на том, чтобы вопрос о Корее не был включен в повестку дня настоящей сессии Генеральной Ассамблеи.

Я хотел бы сделать еще одно заявление по другому пункту повестки дня. Председатель предпочитает, чтобы я высказал свои соображения по этому второму вопросу сейчас или после того, как закончится обсуждение первого вопроса?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я думаю, представитель Советского Союза может высказаться по всем вопросам, по которым он хочет представить свои соображения Ассамблее.

Г-н ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Вторым вопросом, заслуживающим внимания, является аргентинское предложение о пересмотре мирного договора с Италией. Уже на Генеральном комитете советская делегация указала на то, что предложение Аргентины, поддержанное некоторыми другими странами Латинской Америки, обсудить на Ассамблее вопрос о мирном договоре с Италией является необоснованным и незаконным. Это предложение противоречит Уставу Организации Объединенных Наций, который исключает все

мероприятия союзных держав в отношении тех стран, с которыми они находились в войне, из компетенции Организации Объединенных Наций.

Напомню делегатам статью 107 Устава, которая гласит:

«Настоящий Устав, ни в коей мере, не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям».

Устав не оставляет никаких сомнений в том, что мирный договор с Италией не подлежит обсуждению на Генеральной Ассамблее.

Устав ясно указывает, что проводимые или санкционированные в отношении таких государств союзными державами мероприятия осуществляются только державами, ответственными за эти мероприятия. Больше того, оставаясь в рамках Устава, нельзя проводить какие бы то ни было мероприятия, направленные на ослабление юридической силы мирного договора, будет ли речь идти о всем договоре в целом или о той или другой его части. Совершенно бесспорно с юридической стороны, что предложение дать какие бы то ни было рекомендации Генеральной Ассамблее о пересмотре мирного договора, заключенного 21 государством с Италией и вступившего в силу лишь две недели тому назад, означает прямое нарушение статьи 107 Устава.

Не менее грубой ошибкой было бы представление какой-либо рекомендации и с политической стороны. Полезно в этой связи указать на другие положения Устава, в частности на его преамбулу, в которой указывается на необходимость для членов Организации Объединенных Наций уважать обязательства, вытекающие из международных договоров. Бесполезно пытаться утверждать, что попытка пересмотреть мирный договор или внести в него поправки может рассматриваться как рекомендация, свидетельствующая о соблюдении обязательств, вступивших в силу две недели тому назад, после серьезной подготовительной работы, проведенной до этого и на Парижской конференции.

Я должен напомнить, что при подготовке Устава положения об уважении договоров кое-кем оспаривались. Но Конференция в Сан-Франциско их приняла, и после подписания и ратификации Устава они стали, как и в целом Устав, законом для всех Объединенных Наций и составляют одну из основ в отношениях между государствами.

Спрашивается, чем объяснить, что, несмотря на очевидную необоснованность и незаконность предложения обсудить на Ассамблее вопрос об итальянском мирном договоре, это предложение все же внесено? Объяснить это можно только

тем, что некоторые государства прилагают усилия к тому, чтобы оказать морально-политическое давление на другие государства с целью сделать возможным пересмотр этого договора. Представитель Аргентины заявил на Генеральном комитете, что не сомневается в том, что вынесение какого-либо решения на Ассамблею по существу вопроса невозможно, но что все же, по его мнению, желательно принять соответствующую рекомендацию странам, подписавшим договор с Италией, мотивируя это тем, что договор, по их мнению, является несправедливым, жестким и т. п.

По-видимому, эти господа имеют весьма странное представление о справедливости, с которым, конечно, мы не можем согласиться, так как оно является фальшивым. Известно, что по мере приближения сессии Ассамблеи все увеличивалось число так называемых друзей Италии и итальянского народа, особенно друзей в Аргентине.

Позволительно спросить, где были эти друзья, когда советский народ ценой тяжелых жертв освобождал народы Европы, в том числе и итальянский народ, от фашизма? В этой связи я напомню делегатам, что на Парижской мирной конференции делегация Австралии вносила предложение о включении в мирный договор с Италией положения, предусматривающего возможность его пересмотра. Однако это предложение было отклонено конференцией. Оно не было принято потому, что было совершенно необоснованным, я бы сказал, даже абсурдным, и было бы нелепостью подписывать мирный договор и тут же включать в него пункт, подрывающий сами основы договора, дающий право поднимать вопрос о его пересмотре. Неплохой пример уважения международных соглашений!

Не вдаваясь в существо вопроса о мирном договоре с Италией, я считаю необходимым тем не менее заметить, что он обеспечивает Италии нормальное развитие ее экономики и поддержание нормальных отношений со всеми государствами. Это гуманный и справедливый договор. Дело Италии и итальянского народа использовать эти возможности. А использовать их возможно путем честного и добросовестного выполнения взятых по договору обязательств.

Я не могу не выразить сожаления по поводу линии, занятой в этом вопросе делегацией США, которая высказалась за поддержку аргентинского предложения. Правительство США не впервые уже показывает неумение и нежелание считаться с обязательствами, принятыми им по некоторым важным соглашениям, относящимся к послевоенному устройству. Разве поддержание предложения Аргентины не является еще одним свидетельством такого нежелания или неспособности уважать соглашения и обязательства по международным договорам? Продолжение такой политики не может, разумеется, не затруднять решения остающихся задач по мирному урегулированию.

Советский Союз не желает и не будет следовать этому принципу, он остается верным своим обязательствам. По соображениям, на которые я указал, советская делегация возражает против включения предложения Аргентины о пересмотре мирного договора с Италией в повестку дня Ассамблеи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Австралии.

Г-н ЭВАТТ (Австралия) (*говорит по-английски*): Г-н Вышинский возражал против двух пунктов. Первый касается Кореи и второй — мирного договора с Италией. Первый из этих пунктов был предложен делегацией Соединенных Штатов.

Г-н Вышинский основывает свои возражения на двух доводах, которые, по нашему мнению, могут быть легко опровергнуты. В отношении Кореи он прежде всего ссылается на факты, о которых нам ничего не известно. Эти факты не имеют никакого отношения к праву Ассамблеи обсудить эту проблему, но они касаются исключительно того, что должно стать предметом обсуждения по этому вопросу. Другими словами, он повторяет технический прием, который становится обычным явлением на международных конференциях и состоит в том, что при рассмотрении повестки дня обсуждаются вопросы, которые должны и могут быть обсуждены надлежащим образом, после того как делегаты перейдут к рассмотрению существа вопроса.

Он ссылается на заявление представителя Соединенных Штатов, который представил вопрос, как называет это г-н Вышинский, «в тенденциозной форме». Однако г-н Вышинский сделал это сам. Он привел нам факты, о которых нам ничего не известно, и в то же время он выступает против всякого намерения обсудить вопрос по существу. Я хочу очень внимательно проследить его выступление, и я надеюсь, что этого хотят и мои коллеги, в отношении того, что он называет своей «юридической точкой зрения».

Г-н Вышинский заявляет, что вопрос о Корее не может обсуждаться на Генеральной Ассамблее в силу наличия некоторого международного соглашения. Он отсылает нас к пункту 2 статьи 11 Устава. Пункт 2 статьи 11 Устава содержит предельно ясное указание на то, что Генеральная Ассамблея может обсуждать любые вопросы, «относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, поставленные перед нею любым членом Организации... — я опускаю следующие слова, — и за исключениями, предусмотренными статьей 12, — которая является статьей, не позволяющей делать рекомендации в случаях, если вопросом занимается Совет Безопасности, — ...делать в отношении любых таких вопросов рекомендации заинтересованному государству или государствам или Совету Безопасности, или и Совету Безопасности и заинтересованному государству или государствам».

Г-н Вышинский с большим основанием мог бы отослать Ассамблею к статье 14, которая даже шире трактует этот момент и гласит: «С соблюдением положений статьи 12», — которая касается вопросов, рассматриваемых Советом Безопасности, — «Генеральная Ассамблея уполномочивается рекомендовать меры мирного улаживания любой ситуации независимо от ее происхождения, которая, по мнению Ассамблеи, могла бы нарушить общее благополучие или дружественные отношения между нациями...»

Поэтому совершенно неважно, каким образом создалась ситуация. Возможно, причиной ее явилось отсутствие мирного договора. Послевоенное урегулирование в Корее основано на документах, которые не являются неотъемлемой частью мирного договора, поскольку все еще не заключен мир с Японией, но представляют собой соглашения, заключенные между великими державами. Делегация Соединенных Штатов обращает внимание Ассамблеи на ситуацию, создавшуюся в Корее, которая может нарушить общее благополучие или дружественные отношения между нациями. И поэтому в этом вопросе юридическая точка зрения г-на Вышинского не имеет под собой никакой почвы.

Я не намереваюсь говорить здесь ни одного слова по существу корейского вопроса, поскольку не хочу нарушать процедуру этой Ассамблеи. Я хочу обсудить вопрос по существу, когда он будет передан на рассмотрение Первого, Политического, комитета.

Я обращаюсь теперь к вопросу, поднятому делегацией Аргентины в отношении мирного договора с Италией. Я вновь не хочу нарушать процедуру Генеральной Ассамблеи обсуждением существа вопроса в связи с этим пунктом повестки дня. Но я снова хотел бы обратиться к «юридической точке зрения» г-на Вышинского.

Г-н Вышинский отсылает Ассамблею к статье 107. С разрешения Председателя и Ассамблеи я зачитаю эту статью. Я хотел бы зачитать ее делегатам, поскольку этот тип процедуры, если он не будет искоренен в самом начале, будет продолжаться на протяжении всей работы Генеральной Ассамблеи.

Статья 107: «Настоящий Устав, ни в коей мере, не лишает юридической силы действия, принятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям».

Все те, кто принимал участие в разработке Устава в Сан-Франциско, знают истинную цель, которая преследовалась при включении в Устав этой статьи. Этим просто хотели подчеркнуть, что воевавшие страны, способствовавшие поражению вражеских держав во второй мировой

войне, имеют право заключить договор. В Уставе нет ни одной статьи, приостанавливающей это право, равно как в нем нет статьи, препятствующей вынесению на обсуждение Генеральной Ассамблеи ситуаций, явившихся результатом любого договора.

Я вновь обращаю ваше внимание на статью 14: «С соблюдением положений статьи 12, Генеральная Ассамблея уполномочивается рекомендовать меры мирного улаживания любой ситуации, независимо от ее происхождения, которая, по мнению Ассамблеи, могла бы нарушить общее благополучие или дружественные отношения между нациями...» На фразе «независимо от ее происхождения» делалось особое ударение в Сан-Франциско именно с той целью, чтобы предоставить Генеральной Ассамблее право в будущем принимать к рассмотрению ситуацию, которая может возникнуть в результате заключения договора, а также выразить свое мнение на этот счет и после обсуждения сделать соответствующую рекомендацию.

Возможно, что страна, предложившая включить этот вопрос в предварительную повестку дня, действовала неразумно, требуя пересмотра только что заключенного договора; возможно, что ее требование не будет удовлетворено.

Г-н Вышинский был настолько любезен, что упомянул мою страну в связи с Парижской мирной конференцией. То, что он сказал, — совершенная правда. Мы действительно предложили на этой конференции время от времени пересматривать условия мирного договора с Италией. Мы сопроводили это предложение условиями, которые не требовали обязательного пересмотра договора, но позволяли с течением времени пересматривать его так, что если какие-либо положения договора оказывались несправедливыми, этот договор мог быть пересмотрен в соответствии с установленной в нем для этой цели процедурой.

Г-н Вышинский совершенно прав, говоря, что это предложение было отклонено. Но это не имеет никакого отношения к полномочиям настоящей Ассамблеи. Ассамблея имеет право рассматривать любую ситуацию, которая может нарушить дружественные отношения между нациями или создать угрозу международному миру. Мы можем обсуждать такую ситуацию независимо от ее происхождения. Именно тот факт, что мирный договор с Италией породил ряд несправедливостей, вызывает дискуссии по этому поводу, которая может завершиться принятием рекомендаций настоящей Ассамблеи.

Я повторяю, что не намереваюсь вникать в существо предложения Аргентины, с которым, говоря откровенно, я не очень хорошо знаком и против которого я не слышал других возражений. Однако я продолжаю настаивать на праве этой Ассамблеи в полной мере использовать предоставляемые ей Уставом полномочия и прерогативы в отношении проведения дискуссий и да-

чи рекомендаций. Это то, что мы отстаивали в Сан-Франциско, и я считаю, мы должны решительно отстаивать здесь. Я приветствую Генеральный комитет за то, что он включил этот вопрос в повестку дня для обсуждения.

Г-н Вышинский заявляет здесь, что имеется на этот счет соглашение. Он спрашивает, почему нации не придерживаются принятых на себя обязательств по соглашениям. Если мы начнем приводить аргументы такого характера, то им не будет конца. И далее он сравнивает роль Аргентины и СССР в последней войне. Я не поддаюсь соблазну дискутировать на эту тему. Однако я имею такое же право говорить о мирном договоре, как г-н Вышинский или любой другой представитель его страны, поскольку солдаты моей страны жертвовали своей жизнью задолго до того, как Советский Союз вступил в войну с Италией. Я буду отстаивать это право и отстаивать его до конца.

Поэтому мы не высказываем своего мнения по существу двух предложенных для включения в повестку дня вопросов, касающихся Кореи и Италии. Оба пункта включены в повестку дня в соответствии с положениями Устава. В отношении Кореи совершенно очевидно, что две указанные статьи Устава дают основания для включения этого пункта в повестку дня.

В отношении Италии, хотя я отмечаю, что просить Генеральную Ассамблею сделать рекомендации по поводу изменения мирного договора является очень серьезным делом, я не высказываю своего мнения. Совершенно очевидно, что статья 107, на которую ссылался г-н Вышинский, не является препятствием к осуществлению Ассамблеей своих конституционных прав.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Эфиопии.

Г-н ВОЛД (Эфиопия) (*говорит по-французски*): Делегация Эфиопии на предыдущих заседаниях не испытывала терпения Ассамблеи длинными речами. Однако вопиющая несправедливость, могущая последовать, если предложение, выдвинутое перед нами, будет одобрено, несправедливость, противоречащая разуму и здравому смыслу и даже интересам дружественных отношений между государствами-членами, не позволяет мне молчать дальше. Я имею в виду предложение о пересмотре мирного договора с Италией. У меня будет в дальнейшем возможность отметить попытку сделать для мирового общественного мнения приемлемой такую несправедливость путем замены слова «пересмотр» словом «предложения». Но дело в том — и я должен заявить здесь об этом официально, — что Эфиопия как главная жертва фашистской агрессии никогда не станет участником подобного маневра в какой бы то ни было форме.

Более того, следует отметить, что это противозаконное предложение было принято в Генеральном комитете всего лишь четырьмя голоса-

ми против двух при восьми воздержавшихся. Делегация Эфиопии искренне благодарит тех представителей, кто голосовал против или воздержался от голосования, и призывает всех членов Ассамблеи отклонить это опасное и несправедливое предложение.

Представители других стран ясно и решительно заявили, что ни Генеральная Ассамблея, ни Организация Объединенных Наций в целом никоим образом не компетентны рассматривать подобный вопрос. Более того, я могу отметить, что исправления, внесенные в предложение о пересмотре договора, представляют собой признание этой неправомерности. Поэтому я ограничусь объяснением того, почему делегация Эфиопии должна недвусмысленно и безоговорочно квалифицировать это предложение как несправедливое.

Преамбула к Уставу гласит, что народы Объединенных Наций преисполнены решимостью — я цитирую слова Устава — «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров...» Я спрашиваю вас, содействует ли такое предложение созданию условий, «при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров...», если мирный договор с Италией, как совершенно справедливо сказал представитель Новой Зеландии, всего лишь несколько часов тому назад вступил в силу. Может ли кто-либо отрицать, что игнорирование международных обязательств было существенной причиной беспрецедентных в истории несчастий, которые мы только что пережили и которые стоили нам стольких человеческих жизней и стольких тяжелых испытаний?

Я хотел бы указать вам в этой связи на другой аспект этой проблемы, касающийся уважения обязательств, вытекающих из договоров. На Парижской конференции четыре великие державы недвусмысленно заявили другим государствам, принимавшим участие в этой Конференции, что любое решение, которое они примут, будет иметь только силу рекомендации, поскольку великие державы договорились действовать сообща в деле создания договора. Они голосовали в индивидуальном порядке против каждого предложения, о котором у них не имелось предварительного соглашения. Это был договор, который другие государства должны были подписать и ратифицировать, независимо от того, согласились ли они с его окончательной редакцией или нет.

Четыре великие державы имели в своем распоряжении несколько месяцев для изучения, обсуждения и разработки проекта договора с Италией, прежде чем передать его на Парижскую конференцию. На это время они пригласили представителей Италии присутствовать при рассмотрении проекта и детально ознакомились с точкой зрения их страны. Затем, после Париж-

ской конференции, они встретились вновь, на сей раз в Нью-Йорке, с тем чтобы завершить составление договора и придать ему окончательную форму.

В этих обстоятельствах кажется странным намерение одной из четырех великих держав, совместных авторов договора, поддержать предложение о его пересмотре.

Более того, я хотел бы напомнить вам, что между подписанием договора и его вступлением в силу прошло семь месяцев. Однако некоторые государства, выражавшие недовольство такой задержкой, сейчас поддерживают предложение, имеющее своей целью аннулировать (так скоро после ратификации!) если не весь договор, то по крайней мере многие важные его статьи.

Кроме того, здесь речь идет не только о принципе уважения договоров, заложенном в Уставе, но также о жизненно важном вопросе сохранения основных принципов существующего мира.

Я говорил о частичном или полном аннулировании договора, потому что никто не может знать, чем кончится этот пересмотр, если уж мы пойдем по этому скользкому пути.

Означает ли это отмену репараций, которая приведет к тому, что жертвы итальянской агрессии будут нести в одиночестве и молчании бремя потерь и страданий, причиненных им фашистскими армиями?

Или же это означает ликвидацию мер, принятых по отношению к имуществу итальянских захватчиков на территории великих держав, или возвращение Италии территорий, уже отторгнутых от нее в соответствии с указанным договором?

И, наконец, означает ли эта ревизия возвращение Италии колоний, насильно отторгнутых ею от государств, несравненно более слабых, чем она сама, возвращение их ей для того, чтобы она вновь подвергла их жестокой эксплуатации и тяжелым испытаниям и снова использовала их в качестве плацдарма для агрессии против миролюбивых государств?

Я говорил пока только о последствиях изменений, которые могут быть предложены, но каковы будут последствия самого этого действия, попытки изменить договор менее чем через десять дней после вступления его в силу?

Это ставит нас вплотную перед вечной проблемой моральной ответственности. Если сделана попытка нарушить всеобщий принцип законности, а именно принцип уважения соглашений, то куда это может привести?

Всему миру хорошо известны последствия такой политики после Версальского договора. Настоящее предложение неминуемо будет служить прецедентом для Германии и Японии, которые также смогут требовать изменения, если не от-

мены, договоров о мире, заключенных с ними, сразу же как только они вступят в силу.

Не явится ли это предложение также прецедентом для пересмотра, если не аннулирования, всех мирных договоров как в Европе, так и на Дальнем Востоке, таких, как мирные договоры с Венгрией, Болгарией и Румынией, или даже соглашений, заключенных в Каире, Ялте, Потсдаме и Вашингтоне? Значит ли это, что все основы всеобщего мира должны быть полностью перекроены? Вот что может произойти, если такое предложение будет одобрено.

В дополнение к вышесказанному приведу еще одно доказательство вопиющей несправедливости подобного предложения.

Делегация Соединенных Штатов заявила в Генеральном комитете, что она будет поддерживать предложение о пересмотре, поскольку договор является несправедливым. В противоположность так называемому версальскому диктату Италия была вызвана на Парижскую конференцию и ей была предоставлена полная возможность изложить и защитить свою точку зрения. Более того, как я уже только что сказал, Италия была также приглашена на заседания заместителей министров иностранных дел в Лондоне и Париже еще до Парижской конференции.

С другой стороны, такая небольшая страна, как Эфиопия, главная жертва итальянской агрессии, и государство, которое, если не считать Китая, сражалось против стран оси дольше, чем все остальные, в отличие от Италии не была приглашена на эти заседания.

Поэтому мы считаем нелогичным и необоснованным предложение о том, чтобы Италии по справедливости дали возможность выступить перед 21 страной, участвовавшей в Парижской конференции, или перед любой другой группой стран. И, более того, представляется нелогичной просьба о пересмотре договора, который после двух лет подготовки и ожидания только что вступил в силу.

Во время прошлой сессии Генеральной Ассамблеи четыре великие державы встретились в этом городе для окончательного уточнения проекта договора с Италией, выработанного на Парижской конференции. Страны, требующие теперь пересмотра договора, присутствовали на этой первой сессии Ассамблеи.

Я удивляюсь, почему эти государства, если они действительно были озабочены тем, что статьи договора несправедливы, сразу не попросили четыре великие державы изменить их в то время, когда эти державы были в состоянии без труда вносить желаемые изменения, поскольку договор не был еще ратифицирован.

Легко тем странам, которые не пострадали от фашистской агрессии, чьи женщины не подвергались насилию, чьи дома не сжигали, чей скот

не резали, чьих детей не уводили в чужие края и чья интеллигенция не подвергалась систематическому уничтожению, говорить о несправедливости, проявленной по отношению к Италии. Им легко настаивать на том, чтобы репарационные платежи Италии были аннулированы, вынуждая, таким образом, малые государства, явившиеся жертвами опустошений, причиненных итальянцами, молча переносить свои потери и страдания и переживать в одиночестве трагедию полного уничтожения результатов, достигнутых в течение многовековой борьбы и страстного стремления к прогрессу.

Перед дворцом его императорского величества, моего высокого государя, стоит монумент, воздвигнутый в память тысячи тысяч детей, матерей и героев-патриотов, которые 16 февраля 1937 года были расстреляны из пулеметов, заколоты штыками или сожжены заживо по приказу маршала Грациани. И все же несколько недель назад представители стран, являющихся членами Комиссии по расследованию военных преступлений, на совещании в Лондоне отклонили просьбу Эфиопии о привлечении к суду этого главного преступника. Эти соображения справедливости по отношению к жертвам фашистской агрессии, видимо, выпали из поля зрения некоторых делегаций, пытающихся делать нападки на вступающий в действие мирный договор.

Я могу сказать, что Эфиопия исключительно сдержана в своих требованиях к Организации Объединенных Наций. Совсем недавно моя страна отклонила экономическую помощь, предложенную ей Организацией Объединенных Наций, с тем чтобы эта помощь могла быть направлена в европейские страны, которые могли быть освобождены позднее и которые все еще страдают от ужасных последствий войны. Единственно, о чем Эфиопия всегда просила и просит в настоящее время, — это о возвращении к принципам международной морали, уважении принятых обязательств и принципов коллективной безопасности. Предложение, внесенное на обсуждение Ассамблеи, нарушает эти принципы, а Эфиопия слишком много выстрадала, чтобы молчать при виде этого нарушения.

По только что высказанным мною причинам, а именно в связи с необходимостью уважения международных обязательств, сохранения основных принципов существующего мира, а также в связи с необходимостью поступить с виновниками и жертвами агрессии так, как этого требует справедливость, делегация Эфиопии официально просит Ассамблею снять с повестки дня это несправедливое предложение путем проведения отдельного голосования по этому вопросу.

Давайте же положим конец нашим междоусобным распрям и оставим предрассудки и еще раз докажем перед всем миром нашу непоколебимую приверженность к принципам международной справедливости и морали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Представителю Эфиопии было позволено говорить по существу вопроса только из уважения к испытаниям, перенесенным его страной. Мы не обсуждаем сейчас вопрос о пересмотре мирного договора с Италией, а только рассматриваем предложения, касающиеся договора.

Г-н ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Одним из вопросов, который будет нетрудно решить, является вопрос о том, должна ли настоящая сессия Генеральной Ассамблеи в соответствии с предложением Соединенных Штатов Америки обсудить проблему независимости Кореи.

Если вспомнить основные принципы, на которых зиждется эта Организация, и применить их к вопросу о том, будем ли мы рассматривать указанную проблему, то может быть только один ответ — конечно, да.

Одним из наиболее важных принципов, лежащих в основе деятельности Организации Объединенных Наций, является принцип, изложенный во втором пункте статьи 1 Устава:

«Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира».

Будем же помнить об этих высоких целях и не будем во время обсуждения повестки дня касаться юридических или других аспектов существа проблемы, ибо это препятствует Организации Объединенных Наций выполнить по крайней мере одну функцию — обсудить предложение, касающееся малой страны, которая явилась жертвой сложившейся обстановки.

Здесь говорили, что Соединенные Штаты пытались представить Советский Союз виновником создавшегося положения. Советский Союз отвечает: «Не мы, а Соединенные Штаты повинны в этом». Я стою на той же позиции, которая была выражена мною на первой сессии Генеральной Ассамблеи, проходившей в Соединенных Штатах, и снова заявляю, что проблема заключается не в том, кто прав, а в том, что является правильным.

Многочисленные факты должны были убедить вас в том, что за два года не достигну никакого прогресса в вопросе предоставления Кореи возможности образовать соответствующее правительство и стать независимым государством. Разве это не так? Вам не нужно решать, кто прав — Советский Союз или Соединенные Штаты, которые обвиняют друг друга в затяжке решения этого вопроса на два года, в течение которых ничего не было сделано.

Вам достаточно будет признать, что каждое из этих государств отчасти право в этом вопросе и что во всяком случае мы пришли к такому положению дел в мире, когда эта бедная страна

пришла сюда, как в святой храм, с просьбой о помощи, с тем чтобы вы, действуя в соответствии с названным принципом, взяли на себя задачу «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира».

Я не буду задерживать ваше внимание на обсуждении технических вопросов, которые выдвигали здесь, ссылаясь на Устав. Вы также хорошо знаете Устав, как и я. Я предоставляю вам судить о том, является ли Устав достаточно полным, чтобы позволить рассмотреть неблагоприятное положение в Кореи и протянуть руку помощи этой малой стране. Для этого вам нет необходимости принимать сторону Соединенных Штатов или Советского Союза. Мы считаем, что чрезвычайно важно как в интересах Устава, так и в интересах этой малой страны, чтобы Генеральная Ассамблея доказала свою способность к действию, а не предстала бы перед всем миром как совершенно бесполезная организация.

Я не намерен детально обсуждать другой пункт повестки дня, в отношении которого здесь также были высказаны сомнения. Это пункт 5 дополнительной повестки дня — мирный договор с Италией, который в уточненной редакции гласит: «Предложения странам, заинтересованным в мирном договоре с Италией».

Имеем ли мы полномочия делать предложение по мирному договору с Италией? Позвольте мне спросить вас, имеет ли значение время, когда речь идет о справедливости? Должна ли Италия ждать десять лет и затем прийти и просить вас обсудить положение, в которое ее поставил договор, заключенный десять лет тому назад? Будете ли вы тогда ссылаться на Устав Организации Объединенных Наций и говорить, что он препятствует вам сделать это? Конечно, нет. Вы обратитесь к статье 14 Устава и скажете, что эта статья дает право Италии обратиться в Ассамблею с любой проблемой, независимо от ее происхождения, если эта проблема может нарушить общее благополучие всего мира.

Делегация Соединенных Штатов никоим образом не высказывает своего мнения по существу этого вопроса, когда она заявляет здесь, что, по ее мнению, Организация Объединенных Наций обязана выслушать просьбы стран, которые считают, что договор так отрицательно сказывается на их отношениях с другими странами, что это может повлечь за собой нарушение всеобщего благополучия или привести к нарушению мира. Мы не высказываем своего мнения ни по одному из вопросов, поставленных перед Генеральной Ассамблеей. Мы относимся с большой симпатией к странам, которые сильно пострадали в недавнем прошлом.

Касаясь этого пункта, мы только хотим сказать, что любая страна, не являющаяся членом Организации Объединенных Наций, имеет право

обратиться к государству — члену Организации и через посредство этого государства просить нас заслушать ее. Мы в свою очередь имеем право и должны дать свои предложения, как нас об этом просят. Когда нас просят включить этот пункт в повестку дня, то нас просят только о том, чтобы мы признали обязательство, зафиксированное в Уставе.

Такова позиция Соединенных Штатов. Мы считаем, что пункт, предложенный другой страной, должен быть включен в повестку дня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Аргентины.

Г-н АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): В связи с выступлением представителя Соединенных Штатов я хочу от лица правительства Аргентины защитить предложение, сделанное нашей делегацией. Представитель США очень кстати напомнил Ассамблее о том, что Организация Объединенных Наций обязана выполнять положения Устава и особенно его преамбулы, что она призвана служить целям, ради которых она была основана, и следовать принципам, согласованным в Сан-Франциско, ради достижения этих целей.

Я приведу только один пример из Устава, показывающий правильность этой точки зрения. По политическим соображениям в противовес этим целям и принципам был включен пункт 3 статьи 27; я повторяю, по политическим соображениям, связанным с обстоятельствами, которые могли измениться и изменились, было установлено право вето, что противоречит целям и принципам, приведшим к созданию Организации Объединенных Наций.

Поэтому считать, что во всех процедурных вопросах мы должны следовать строго положениям Устава, словно речь идет о применении правила герменевтики, — значит находиться на ложном пути.

Однако в данном случае дело обстоит иначе. Статья 107 Устава, на которую ссылался представитель Союза Советских Социалистических Республик, как это было с предельной ясностью показано представителем Австралии, не имеет ничего общего с обсуждаемым вопросом.

Организация Объединенных Наций согласилась не вмешиваться в вопросы, связанные с послевоенным урегулированием, и до настоящего времени, хотя это урегулирование затянулось на неоправданно долгое время, она действительно не вмешивалась.

С другой стороны, разве Ассамблея не имеет права обсуждать договор, который уже был заключен и ратифицирован государствами — членами Организации Объединенных Наций? Сказать, что она не имеет на это право, значит допустить юридическую ошибку. Достаточно прочесть Устав и ознакомиться со всеми его поло-

жениями, чтобы убедиться в том, что мы имеем полное право на это.

Статья 107 абсолютно не имеет ничего общего с предложением Аргентины. По этому поводу я уже заявлял то же самое в Генеральном комитете Ассамблеи, когда представитель Союза Советских Социалистических Республик г-н Громыко рассказал об истории происхождения и включения этой статьи в Устав.

Представитель Союза Советских Социалистических Республик также заблуждался, когда ссылался на политический аспект этого вопроса. Этот аргумент, хотя он только что был выдвинут перед Ассамблеей, уже использовался в Генеральном комитете. Г-н Громыко сказал тогда, что еще не успели высохнуть чернила после подписания договора, а уже ведутся разговоры о его пересмотре.

Я должен сказать, разумеется, что предложение Аргентины не означает, что она просит Ассамблею пересмотреть договор. Это предложение не означает, что мы намереваемся указать странам, подписавшим договор, какие положения этого договора являются, по нашему мнению, хорошими, а какие плохими. Ассамблея обсудит вопрос, поскольку она имеет на это право, и рассмотрит его настолько подробно, насколько это будет целесообразно и необходимо. Если будут какие-либо предложения, она сделает их в пределах своей компетенции. Она рекомендует, чтобы определенные предложения были рассмотрены. Конечно, подобных предложений может и не оказаться, так как если в ходе дискуссии в Политическом комитете аргентинская делегация придет к убеждению, что ее предложение является несвоевременным и неоправданным, то мы снимем его. Чего действительно нельзя делать во время дискуссии по повестке дня, так это использовать Генеральный комитет, а в настоящее время Ассамблею в качестве форума или платформы для обсуждения существа вопроса.

Относясь с величайшим уважением к страданиям доблестного эфиопского народа, я в то же время должен обратить внимание представителя Эфиопии на тот факт, что он сам привел нам доводы и аргументы в пользу того, чтобы этот вопрос был передан на рассмотрение Политического комитета.

В связи с его же предложением, а также предложениями других стран, если таковые будут, мы, конечно, можем или принять или воздержаться от принятия соответствующего решения, но, что мы не можем делать, — это обсуждать существо вопроса здесь, в настоящий момент.

Я хочу сказать представителю Эфиопии, что я не забыл о страданиях его доблестного народа и, разумеется, я сам протестую против агрессии и попыток подчинения достойной уважения эфиопской нации. Но я также не забыл предло-

жения, сделанного нам два или три дня тому назад представителем Франции в Генеральном комитете, когда тот великодушно заявил, что Франция хорошо умеет помнить, но она также хорошо умеет и забывать.

Как мы можем забыть ужасы агрессии? Но разве мы находимся здесь для того, чтобы увековечить ужасы войны? Разве мы собрались здесь для того, чтобы продолжать дискуссии о войне и восстанавливать один народ против другого? Разве политическая обстановка к настоящему времени не изменилась по сравнению с той, которая была два года или пять лет тому назад? Должны ли мы оставаться в бездействии, препятствуя народам, которые заблуждались или были вынуждены принять правительства, которые повели их по ложному пути, вернуться к мирной жизни в семье наций? Нет, господа. Долгом Организации Объединенных Наций, как это указано в преамбуле Устава и как об этом часто говорят здесь, является содействовать установлению дружественных отношений между народами и устранять ненависть там, где она существует.

В этой связи, пользуясь случаем, я хотел бы от имени правительства Аргентины сказать о том, как бы мы были рады, если бы имеющиеся трудности в политических отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки были ликвидированы и мы могли бы жить в мире, укреплять безопасность мира и сохранять мир между народами.

Мы не преследуем агрессивных целей и не поддерживаем фашизм, хотя некоторые думают, что таков скрытый смысл нашего предложения. Я уже говорил на днях об этом. Причиной наших действий является то, что Аргентина сильно привязана к итальянскому народу, именно к народу, а не к какому-нибудь определенному режиму или правительству, так как аргентинцы связаны с ним кровными узами. 25 процентов населения Аргентины составляют итальянцы или лица итальянского происхождения. Это благородное чувство заслуживает уважения.

Возможно, мы ошибаемся, но неправильно думать, что наше намерение сомнительно. Поэтому я отклоняю юридический аргумент, выдвинутый представителем Союза Советских Социалистических Республик, а также не соглашаюсь с тем, что наше предложение не отвечает требованиям политической обстановки. Для заключения договора понадобилось два года, и если сейчас Организация Объединенных Наций решит сделать какие-нибудь предложения, то только для того, чтобы согласиться начать дискуссию, ей потребуется еще два года, если вообще удастся прийти к какому-нибудь соглашению. Какое может быть зло в том, что мы выслушиваем предложение? Ведь если оно плохое, его можно отклонить, а если оно хорошее, его можно обсудить и принять.

Я думаю, что я ответил на все юридические и политические аргументы, а также разъяснил нашу позицию в отношении происхождения войны, в которой Италия добилась позорного завоевания Эфиопии и тем самым совершила наихудший вид агрессии в истории.

Представитель Союза Советских Социалистических Республик, однако, сегодня сделал неприятную для нас реплику политического характера. Я не знаю, почему он это сделал, так как правительство Аргентины имеет самые лучшие намерения по отношению к Советскому Союзу и всегда поддерживало самые хорошие отношения с советской делегацией и, несмотря ни на что, впредь намерено поддерживать их. Я не могу обойти его реплику молчанием, как мне ни неприятно говорить об этом.

Выступая в Генеральном комитете, он спросил, что делали аргентинцы, когда итальянские солдаты убивали русских граждан и уничтожали их имущество. Мы делали то, что было необходимо делать в соответствии с политикой и решениями нашего правительства. Мы имеем полное право вступать в войну на стороне одних государств или других или сохранять нейтралитет, который не нами изобретен. Великие народы во многих войнах истории оставались нейтральными, и, когда я говорю «великие», я не имею в виду только великие державы. Наглядный пример нейтральной страны является собой Швейцария, эта небольшая, всеми уважаемая страна, где люди французского, итальянского и немецкого происхождения живут в мире и которая с времен Венского конгресса обладает правом на нейтралитет.

То же самое делали мы. Но я также могу спросить, где были русские, граждане Союза Советских Социалистических Республик, когда так называемые гитлеровские орды опустошали Польшу, уничтожали Чехословакию, оккупировали Австрию, вторглись и завоевали Францию. Мы в нашей стране осуществляли свое право на нейтралитет так же, как это делал Советский Союз в названных мной случаях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Следующее заседание состоится сегодня, в 15 часов.

Заседание закрывается в 13 час. 10 мин.

ДЕВЯНОСТО ПЕРВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Вторник, 23 сентября 1947 года, 15 час.
Флошинг Медоу, Нью-Йорк*

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

20. Продолжение обсуждения доклада Генерального комитета и утверждение предварительной повестки дня (документ А/392)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Югославии.